

Ши Цин едва не лопался от смеха в душе, хотя внешне оставался предельно серьезным. Сохраняя невозмутимый вид, он резким жестом сбросил руку Цзин Юаньци со своей талии и принялся неспешно поправлять одежду.

Видя, что верная добыча вот-вот ускользнет, юноша разом позабыл о своих раздумьях на тему «кто сверху, а кто снизу». Словно лишившись костей, он прильнул к Ши Цину со спины и крепко обнял его.

Его бархатистый голос, обычно мужественный, сейчас звучал приторно-сладко:

— На самом деле мне всё равно. Совершенно неважно, кто из нас будет сверху.

«Наглое вранье, — Цзин Юаньци, с того самого момента, как Инди пробудил в нём интерес, только и грезил о том, как прижмет его к постели и подчинит себе»

«Впрочем, — мелькнула шальная мысль, — вариант, где Ши Цин сам забирается на него, юноша тоже успел рассмотреть»

«Но кто сказал, что нужно выкладывать всю правду? Сначала стоит заманить человека в кровать, а уж там Ши Цин точно не сможет диктовать свои условия»

Лучась напускной покорностью и не скупясь на сладкие речи, он продолжал:

— Я готов на всё. Сделаю всё, что пожелает Ши-лаоши.

Ши Цин обернулся, его холодный голос прозвучал бесстрастно:

— На всё, говоришь?

Собеседник просиял. Почувствовав намек на смягчение, он приблизился и доверчиво потерся щекой о плечо киноимператора.

— Именно так. Ваше слово для меня — закон.

— Убери руки.

— ...

— Разве ты не сказал, что сделаешь всё, что я велю? — Ши Цин оставался непреклонен. — Я велел: убери руки.

Юноша притих и нехотя отстранился. Подобно коту, он всё еще пытался заискивающе боднуть Инди головой, но сердце того было тверже камня.

— И голову убери.

— Ши-лаоши, вы просто невыносимо жестоки, — вздохнул Цзин Юаньци, наконец выпрямившись. Он обиженно выпятил губу, словно несправедливо задетый ребенок. — Наши отношения понятны даже такому простаку, как Цуй Юньцин, к чему теперь эта напускная строгость?

— Юньцин не простак, — Инди нахмурился, явно не одобряя подобный тон. — Он просто еще очень молод.

Юноша криво усмехнулся, теряя терпение:

— Ши-лаоши, мне ведь не кажется? Складывается впечатление, что вы относитесь к Цуй Юньцину куда лучше, чем ко мне.

Рука Ши Цина, поправлявшая воротник, на мгновение замерла. Он опустил ресницы и заговорил чуть быстрее обычного, что в ушах собеседника прозвучало как явное признание вины:

— Вы оба — мои подопечные. Я отношусь к вам одинаково.

Даже если в этих словах не было формального изъяна, Юаньци ощутил укол жгучей обиды. Он каждый день усердно увивался вокруг, не упуская ни единой возможности сблизиться, даже принес себя в жертву, съев тот демонический перец... И в итоге в глазах Ши Цина он стоит на одной доске с этим малой?

С лица юноши исчезла привычная беззаботная улыбка, сменившись холодной усмешкой:

— Вот как? Значит, если бы Цуй Юньцин позволил себе всё то же, что и я, вы бы тоже на всё закрыли глаза?

Закончив возиться с одеждой, киноимператор обернулся и с неким странным, застывшим выражением посмотрел на собеседника. Получив надежду, что тот снова собирается его проигнорировать, юноша внезапно услышал:

— Не улыбайся так. Тебе не идет.

Цзин Юаньци вскинул брови. Он давно понял, что Ши Цину нравится его улыбка. Почему — киноимператор не объяснял, а сам юноша не спрашивал. Его вполне устраивала роль охотника, наслаждающегося преследованием и предвкушающего момент, когда добыча будет окончательно одурочена и съедена. Достаточно было знать, что у Ши Цина есть эта слабость.

Словно змея, почуявшая слабинку, он снова прикинул к мужчине:

— Вам нравится моя улыбка, Ши-лаоши? А что вам нравится в Цуй Юньцине?

Ши Цин, к его удивлению, действительно ответил:

— Его брови.

Задавая вопрос, Цзин Юаньци меньше всего ожидал услышать правду. Ему казалось, что Ши Цин — человек суровый, но отходчивый, и опекает младшего просто из-за его безобидного вида. Но ответ прозвучал четко.

Улыбка, едва заигравшая на лице юноши, снова погасла.

«Брови?»

Он припомнил лицо Цуй Юньцина — мягкое, кроткое, как у белого кролика. В отличие от густых, вразлет, бровей самого Юаньци, брови младшего были тонкими и изящными.

— Вам нравятся его брови? Вы любите такой тип?

Ши Цин не стал отрицать, лишь негромко подтвердил:

— М-м.

На душе у Цзин Юаньци стало еще пакостнее. Пусть это была лишь игра, но даже в игре он не желал делить внимание Инди с кем-то еще. Тем более с таким простофилей. Что он вообще в нём нашел?!

Внутри у юноши всё клокотало от негодования, но внешне он сохранил маску великодушия, продолжая ластиться к Инди:

— Мне так грустно. У меня есть только вы, Ши-лаоши, а в вашем сердце находится место еще и для Цуй Юньцина. Это ужасно несправедливо.

Он говорил так, будто был невинной жертвой, а Ши Цин — коварным изменщиком, играющим

чувствами двоих людей. Но киноимператор даже не удостоил его ответом. Он просто сбросил руку собеседника со своей талии.

— Только что приходил Юньцин, сказал, что приехали фанаты. Мне пора выходить.

С этими словами Ши Цин решительно развернулся и покинул гримерную, оставив Цзин Юаньци в одиночестве. Как только дверь закрылась, маска обиды сползла с лица юноши, обнажив мрачную решимость. О чём-то поразмыслив, он прищурил свои миндалевидные глаза. Взгляд его вдруг стал торжествующим. Самодовольно хмыкнув, он вышел следом.

Для Цуй Юньцина это был первый опыт съемок во взрослом возрасте и первая встреча с фанатами на площадке. Особой известностью он пока не пользовался, а потому к поклонникам относился с огромным любопытством и трепетом. Поймав пробежавшего мимо актера, он спросил:

— Брат, а чьи это фанаты приехали?

— Да не актеров вовсе. Это фанаты первоисточника, читатели романа. Кажется, даже из официального фан-клуба. Съемки скоро заканчиваются, вот режиссер и связался с ними, чтобы подняли активность в соцсетях, провели трансляцию для пиара.

Юньцина осенило. Перед пробами наставник предупредил его, что адаптация крупного книжного проекта для актера — палка о двух концах. С одной стороны, у каждого персонажа уже есть армия фанатов, что гарантирует популярность. С другой — стоит хоть немного не попасть в образ, и разъяренные читатели буквально разорвут тебя за то, что ты «испортил» их любимого героя.

Роль Цуй Юньцина была небольшой, но очень обаятельной. В книге у этого персонажа было немало поклонников, и учитель специально велел парню перечитать роман несколько раз. Это было его первое серьезное появление перед публикой, и провалиться было никак нельзя.

Узнав, что приехали именно фанаты книги, младший инстинктивно захотел спрятаться. А вдруг он им не понравится?

Попрощавшись со старшим коллегой, он собрался было дать деру, но не успел сделать и пары шагов, как его перехватил Цзин Юаньци. Тот выглядел на удивление благодушным. Хитро прищурившись, он мягко поинтересовался:

— Сяо Цуй, куда это ты так торопишься, весь в мыле?

Увидев этого «солнечного» старшего, Юньцин на миг почувствовал неловкость. Всё же совсем

недавно он стал свидетелем довольно двусмысленной сцены между ним и Ши-лаоши. Однако стоило Юаньци заговорить, как смущение улетучилось, и наивный парень со всей искренностью выложил свои страхи по поводу встречи с читателями.

— О, так ты этого боишься, — юноша по-прежнему улыбался, излучая доброту. — По-моему, ты отлично справляешься. Seriously, тебе совершенно не стоит переживать, что ты кого-то разочаруешь.

Цуй Юньцин всё еще колебался:

— Но у меня сегодня нет сцен. Я в обычной одежде, с короткой стрижкой... Я совсем не похож на своего героя. Вдруг они расстроятся?

— Ерунда. Фанатам в первую очередь важно лицо.

Юноша ободряюще похлопал собеседника по плечу, делая вид, что внимательно его осматривает. Пройдясь взглядом сверху вниз, он вдруг нахмурился.

От этого выражения лица, словно Юаньци заметил некий ужасный изъян, у младшего сердце ушло в пятки.

— Цзин-гэ, что-то не так?

— Ну, не то чтобы совсем не так, просто... просто вот это...

Чем больше юноша тянул время, изображая сомнение, тем сильнее паниковал Юньцин.

— Цзин-гэ, умоляю, скажите прямо! Я ведь могу еще всё исправить!

— Эх, раз уж ты так просишь... — Цзин Юаньци вздохнул, будто сдаваясь под напором. — Черты лица у тебя отличные, и телосложение подходящее, но вот брови... брови слишком уж нежные.

— Брови? — парень в замешательстве коснулся своего лица.

Юаньци авторитетно кивнул:

— Посуди сам, кого ты играешь? Молодой преемник главы секты, гений пути Дао. Разве могут у него быть такие изящные брови?

Он продолжал вкрадчиво:

— Посмотри на них: слишком тонкие, и кончики опущены вниз. Разве гримеры не рисуют их тебе гуще и шире, с изломом вверх?

Юноша никогда особо не присматривался к гриму младшего. Но в индустрии он был дольше и прекрасно знал общие правила: женщинам брови делают тоньше и изящнее, мужчинам — гуще и суровее. А излом вверх — это вообще стандарт для любого исторического фэнтези.

Цуй Юньцин, не знавший этих тонкостей, начал судорожно вспоминать и закивал:

— Да, именно так они мне и рисуют!

— Вот видишь, — лицо Юаньци выражало абсолютную правоту, сменяющуюся напускным утешением. — Впрочем, ничего страшного. Подумаешь, брови. В остальном ты хорош, фанаты вряд ли станут придираться к таким мелочам.

— Нет-нет, нельзя! Это мой первый выход в свет, я должен быть безупречен! — простодушный Цуй Юньцин едва не плакал, закрывая лицо руками. — Цзин-гэ, может, мне пойти к гримерам, чтобы они их подправили?

Юноша цыкнул:

— Ну ты даешь. Гримеры сейчас обедают. Тебе не совестно их дергать?

— М-мне совестно... — младший совсем поник. — Может, я сам...

— А ты хоть раз пробовал? Смотри, испортишь всё окончательно.

— ...Нет, не пробовал.

Бедняга совсем растерглася. Схватив Юаньци за рукав, он взмолился:

— Цзин-гэ, что мне делать? Вдруг я столкнусь с ними? Они же трансляцию ведут, все увидят меня таким!

Собеседник аккуратно, с плохо скрываемым брезгливым выражением, высвободил руку и с притворным сомнением произнес:

— Я-то часто сам себе брови правлю, но я ведь не профессионал...

Юньцин вцепился в него как в последнюю надежду:

— Цзин-гэ, помогите! Умоляю, подправьте их мне немножко! Они вот-вот придут!

Юноша прищурился, всё еще изображая неохоту.

— Ну ладно, раз уж ты так просишь. Пойдем в гримерную Ши-лаоши, там сейчас никого.

Ши Цин тем временем велел Гао Чжи вызвать свою свиту телохранителей. Репутация «высокомерной звезды» закрепилась за прежним владельцем тела во многом именно из-за них.

Все как на подбор: в черных очках, строгих костюмах, рослые и плечистые. Целая толпа — больше десяти человек. Только на съемочной площадке Ши Цин оставался один, во всех же остальных местах свита следовала за ним тенью.

Интервью? Телохранители окружают его плотным кольцом.

Промо-акция? Телохранители стоят стеной.

Да даже в туалет он ходил под конвоем.

Причина такой прихоти была проста: прежний Ши Цин обожал подчеркивать свой статус киноимператора. Ему нужно было показать всем, насколько он велик и недосягаем. К тому же, наоборот в жизни немало дел, он элементарно боялся расправы от тех, кого когда-то подставил.

Однажды в сеть попало фото: пустая улица, пара прохожих, одинокая кошка и больше десятка телохранителей, бдительно охраняющих Инди в центре круга. Снимок вызвал бурю негодования и насмешек. Когда охраны больше, чем случайных прохожих, а те и не думают к тебе приближаться — это выглядело жалко и нелепо.

Интернет кипел издевками, и это стало «железным» доказательством заносчивости киноимператора. Впрочем, Ши Цину было плевать на мнение сети — пока за его спиной стояли влиятельные покровители, его статус в индустрии оставался незыблемым.

Гао Чжи, получив приказ вызвать свиту, в душе был категорически против. За последние дни он успел привыкнуть к Ши Цину. Тот оказался не таким уж и монстром, каким его рисовали слухи: просто нелюдим, молчалив и одержим жгучим перцем. Зато платил исправно и премий не жалел.

Помощник начал искренне переживать за репутацию босса.

— Ши-гэ, — попытался он отговорить его. — Приедет всего пара фанатов, нет нужды звать охрану. Если люди это увидят, опять пойдут разговоры о вашем высокомерии. Давайте не будем? Я сам справлюсь, буду рядом и никого к вам не подпущу.

Ши Цин оставался глух к его доводам.

— Пусть приходят.

Гао Чжи оставалось только вздохнуть и потянуться к телефону. Телохранители были неподалеку, жили в том же отеле. Пока шли съемки, они патрулировали окрестности, готовые явиться по первому звонку. Минут через пять этот отряд образцовых бойцов должен был заполнить площадку.

Пока Гао Чжи с тоской представлял, какой скандал разразится после того, как фанаты покажут эту процессию в прямом эфире, в дверь постучали.

Это был Цуй Юньцин. Помнится, в прошлый раз он ввалился без предупреждения и увидел то, чего видеть не следовало. Теперь он стал мудрее и сначала подал голос:

— Ши-гэ, вы там? Это Юньцин, можно войти?

Гао Чжи вопросительно глянул на Ши Цина. Тот кивнул, и помощник открыл дверь.

Цуй Юньцин радостно впорхнул в комнату. Сияя от счастья, он подскочил к сидевшему в кресле Ши Цину:

— Ши-гэ, посмотрите! Как мне моя новая форма бровей?

Инди поднял взгляд. Увидев лицо Юньцина — брови которого выглядели неплохо, но совершенно не имели ничего общего с прежними — он замер.

Киноимператор опустил голову, снова поднял её и присмотрелся. Убедившись, что это не галлюцинация, он медленно, очень медленно изобразил на лице крайнюю степень недоумения.

Дверь снова отворилась, и вошел Цзин Юаньци. На его лице играла торжествующая улыбка. Он демонстративно помахивал в руках складной бритвой для бровей, словно хвастаясь трофеем перед Ши Цином.

— Это я ему подправил. Совершенно бесплатно.

<http://bllate.org/book/15834/1436243>